

Территория Игры. Англия

– Футбол, боже правый, какая мерзость! Юной леди не пристало заниматься подобным скверным делом, мисс Блэр! – Ребекка Томсон укоризненно застыла в проеме.

Джейн, привычная к причитаниям гувернантки, шмыгая носом, зашнуровала бутсы и расправила гетры на стройных девичьих ногах.

– Деревенские олухи сегодня получают по полной! – с довольным видом сообщила она пожилой служанке, взвизгнула от предвкушения и выбежала из комнаты, не забыв показать отражению в зеркале острый розовый язычок.

Мисс Томсон всплеснула руками, назидательно заворчала и поплелась следом. В доме семейства Блэр она работала уже тридцать лет, с тех самых пор, как молодой врач мистер Роджер Блэр взял в жены Эмилию Паттерсон. Все значимые события этого дома произошли на глазах у верной гувернантки: родились старшие дети, мальчишки-близнецы Майкл и Генри, мистер Блэр стал главврачом местного госпиталя, а шестнадцать лет назад появилась на свет любимица семейства – сорванец, непоседа и длинный чулок – мисс Джейн Блэр.

Нейтан – маленький полугородок-полудеревенька славился одной своей особенностью – ежегодным матчем местной рабочей молодежи с учащимися колледжей, по

большей части лондонских. Нынешний год не стал исключением. И матч удался. Студенты крупно проигрывали весь первый тайм, но умудрились после перерыва вернуть равновесие, а потом еще и положили два гола в концовке. На счету Джейн, единственной девушки в составе обеих команд, хет-трик и голевая передача.

Вернувшись со стадиона, она присела ненадолго на садовой скамейке перед домом. Грязь на спортивной форме уже начала твердеть, и неплохо было бы поскорее отправиться в душ, но юная футболистка задержалась в саду, чтобы почеканить потертый кожаный мяч. Когда счет дошел до ста тридцати четырех и перед веснушчатым носом замаячил личный рекорд, над изгородью из шиповника, отгораживающей дом семейства Блэр от улицы, появилась верхняя часть тела мисс Томсон. Судя по напряженным плечам, гувернантка возвращалась с сумками из магазина. Джейн наблюдала за ней лишь краем глаза, сосредоточив внимание на кожаной сфере. Внезапно с противоположной стороны улицы, где заборы были повыше и кусты на порядок гуще, к служанке метнулась фигура в потертых джинсах и черной спортивной куртке. Тускло блеснуло лезвие ножа.

– Отдавайте-ка кошелек, мэм! – прошипел уличный грабитель.

Ребекка от страха выронила свои сумки и, уставившись округлым выпученным взором на направленное к ней оружие, заорала, словно банковская сигнализация.

Разбойник дернул висящий на плече женщины небольшой клатч, где мисс Томсон хранила обычно кошелек, и уже собирался дать деру, как получил привет от капитана женской футбольной команды колледжа Чарльттон, выраженный в виде футбольного мяча с пушечной скоростью запущенного в лицо. Снаряд вдребезги размочил горбатый нос преступника, заставив того от неожиданности на мгновение закрыться ладонями.

Джейн в три прыжка добралась до изгороди, оттолкнувшись сильными ногами, перепрыгнула ее и пружинисто приземлилась на уличный асфальт. Требовалось срочно закрепить успех. Пока злоумышленник еще не пришел в себя, и успел лишь скользнуть колючим взором сквозь пальцы по тощей фигурке мисс Блэр, она набрала скорость и срубилла неприятеля образцово-показательным задним подкатом, целя железными шипами на бутсах во вражьи щиколотки. На поле за этот грязный приемчик ей неминуемо грозило бы удаление. Но здесь судить было некому. Грабитель взвизгнул, как ужаленный пчелой щенок и завертелся на мостовой. От его прежних намерений не осталось даже намека.

В то самое мгновение Люцерновую улицу озарили трели полицейского свистка и Джейн увидела как со стороны костела к их дому бегом приближаются два молодых констебля, привлеченные, должно быть, истошным криком мисс Томсон.

Заковать в наручники деморализованного негодяя не составило труда. Джейн подошла к гувернантке и помогла подняться с земли, за время короткого поединка та успела тяжело осесть на бордюр. Подхватив пожилую женщину под руку, футболистка проводила ее до дивана в гостиной.

Вечером девушка вышла из ванной и устроилась в своей комнате на кресле, поджав под себя гудящие от усталости ноги. На молочной пенке в чашке какао расходились рябью следы от губ. Джейн внимательно смотрела в яркий экран телевизора на трансляцию матча «Челси – Сандерленд». Когда вся полузащита «котов» уже висела на карточках и пропускала раз за разом кинжальные атаки по центру и правому флангу, в комнате раздался вкрадчивый, аккуратный стук.

–Мисс Блэр, вы не спите?

Ребекка Томсон, смущенно улыбаясь, вошла в комнату и остановилась на пороге.

– Вот. Вы забыли на улице.

Гувернантка достала из-за спины старый футбольный мяч Джейн, который после сегодняшних событий, оказывается, так и остался лежать на дороге.

– Представьте себе: обычный раствор хлорки, как выяснилось, прекрасно очищает. Я щеточкой потерла, и, видите, совершенно как новый.

Джейн обратила внимание что ее, выдавший виды, круглый кожаный друг был тщательно вымыт от пыли и грязи и впрямь, выглядел изрядно помолодевшим.

– Не пристало юной и прекрасной леди играть грязным мячом, поэтому я решила, что буду мыть его вам после каждой игры, чистым-то и играть приятнее будет, верно?

Территория Игры. Персия

Слава старика Рахмани простиралась далеко за пределы его родной деревушки и достигала даже стен великого Тегерана. Всю свою долгую жизнь Рахмани работал учителем в единственной на весь район школе и за годы своей работы повидал многие тысячи учеников. Среди прочих персидских, сирийских и оманских толкователей Книги Рахмани знал лишь немногих равных себе. Но был в его жизни один особый талант равных по силе которого мудрый старик не видал и вовсе. Один Создатель, возможно и ведает, что послужило тому причиной, многолетний ли опыт учителя, и наметанный мудрый глаз, либо врожденное не человеческое, а не иначе как звериное чутье. Дело в том, что Рахмани умел видеть человеческие способности. Да-да, именно способности других людей и их предрасположенность к той или иной жизненной специальности.

Среди просвещенных и прогрессивных представителей разных сословий Персии, считалось

хорошим тоном и весьма мудрым деянием, отправлять малолетних своих отпрысков к старику Рахмани на воспитание, с целью выяснить жизненную предрасположенность чада и уберечь того от жизненных терзаний, облегчив таким образом судьбоносный выбор. Следует оговориться, что поступали так со своими детьми люди исключительно просвещенного образа мыслей, стремящиеся отступить от традиционного персидского жизненного уклада, где сын наследует дело отца. Рахмани при внешней невозмутимости, граничащей порой с недоброжелательностью, за дело брался охотно и добивался желаемого не более чем через месяц с начала своих наблюдений. Притом, что никаких особых испытаний его поиск в себе не содержал. Это было обычное ведение бытового хозяйства, которое по старческой немощи, Рахмани возложил целиком на плечи малолетних послушников.

Особенно любимым тестом мудрого старца была переноска воды. Старый колодец, единственный на всю округу, находился в пяти километрах от дома Рахмани. Подопытный, нагруженный двумя огромными, тяжелыми даже в порожнем состоянии ведрами, должен был в течение дня сделать пять рейсов до колодца и обратно, принося всякий раз полные ведра воды. Допускалось использовать всякие ухищрения, дабы облегчить себе этот труд. Сущность испытуемого здесь выкладывалась на свет, словно туша барана на базарный прилавок.

Нередко попадались среди послушников честные стойки, надеющиеся только на милость Создателя и собственные плечи. Многие из них окончание испытания встретили лежа ничком перед домом, но большее число — не проходили и половины. Старик относился к таким в меру уважительно и отряжал трудиться солдатами и строителями. Впрочем, немалым количеством среди послушников насчитывалось и иных ловкачей, нанимавших ездовых ишаков и сбегавших потом от их

погонщиков по причине невозможности оплаты их труда. Попался однажды и один ушлый подопытный, пообещавший сыну соседского крестьянина, что если тот на своем добром муле перевезет нужное количество воды, то тут же получит всю мудрость жизни, выраженную в стихотворной форме, которую якобы сам послушник получил в беседе с уважаемым своим учителем, то есть ни кем иным как самим Рахмани. После выполнения обещанного крестьянский сын, изготовившись выслушать взаправдашнюю мудрость жизни, получил взамен несколько наспех зарифмованных четверостиший, которые послушник сочинил самостоятельно незадолго до часа расплаты.

Избитого палкой до полусмерти ученика Рахмани встретил на пороге крайне охотно, обработал его раны чудодейственным снадобьем и, будучи в приподнятом расположении духа, сообщил что призвание пострадавшего – не иначе как трудная, подчас неблагоприятная, но в целом редкая и уважаемая профессия артиста. И что при должном отношении к делу, усердии и использовании врожденного таланта мальчика ждет слава сравнимая со славой известного арабского певца, актера и сказителя – Поллада Соловья.

А однажды, на воспитание к Рахмани отправили восьмилетнего Ахмета. Мальчик не отличался ни особой развитостью, ни усердием, а кроме того имел странную привычку лягать ногами любой, хоть сколько-нибудь округлый предмет. Как то Рахмани в своем саду застал Ахмета за изрядно вредным занятием, тот попытался запихнуть ударом ноги огромную тыкву в лежащую на боку бочку для алычи. Упражнение с ведрами и колодцем тот и вовсе провалил, принявшись лягать ведра, смеясь от восторга.

Рахмани впервые в жизни отправил мальчика домой с вердиктом: не пригоден ни для какой работы. Футбол в мире изобрели только через двести лет...

Территория Игры. Китай

Лю Фанг был исключительно терпеливым человеком, однако бесконечные визгливые распри деревни Белого Лотоса и деревни Золотого Дракона стали утомлять и его. Он, нахмутив брови и чуть прикрыв цепкие, но усталые глаза, наблюдал как делегаты двух соседних друг с другом деревенских общин в очередной раз завели полемику относительно очередности использования прилегающих к устью Янцзы пастбищ. Дело пахло очередной междоусобицей. В прошлом году аналогичный спор дошел до яростного, деревня на деревню, поединка, закончившегося несколькими пропоротыми мотыгами животами. Доводить до такого в очередной раз было никоим образом нельзя. В течение сорока минут слушая однообразные аргументы, правитель сосредоточенно размышлял. Наконец он, не выдержав, резко вскочил на ноги и одним прыжком приблизился к обоим опешившим крестьянам.

- Каждому из вас двоих завтра на рассвете быть в моем саду, захватив с собой по десять физически крепких мужчин из ваших деревень.

Он резко удалился в свои покои, не забыв перед сном положить возле ручной кувшина приготовленную на завтра кожаную сферу, привезенную им из зарубежного путешествия.

- Вонг, прикажи до завтрашнего утра на обоих краях клеверной поляны моего сада вкопать по две бамбуковые палки на расстоянии двести цуней друг от друга, а сверху на них закрепить по одной горизонтальной такой же, - велел Лю Фанг самому расторопному своему слуге, прежде чем его усталые веки окончательно сомкнулись между собой.

Ранним утром следующего дня он был привычно бодр, быстр и резок, полностью подходя под свое прозвище - "голодная кобра".

- Слушайте меня внимательно и запоминайте каждое мое слово, - обратился Лю Фанг к двум кучкам крестьян, - отныне и до скончания земного существования ваших деревень, все конфликты между собой вы будете решать на поле для игры в ножной мяч. И вот это - он слегка поддел ногой кожаную сферу - ваше единственное отныне оружие. Такова моя воля, воля Лю Фанга, правителя провинции Ци Мин.

Следующие часы, вплоть до самой обеденной трапезы, светлейший правитель провинции Ци Мин потратил на то, чтобы втолковать несообразительным крестьянам правила игры, увиденной им в странствиях по Британским островам, и пленившей его своей философией до такой степени, что во внутренних беседах с самим собой господин Лю Фанг все чаще был склонен приравнивать ее к шахматам.

Верные слуги все это время были в саду рядом со своим господином и молча, с невозмутимыми лицами наблюдали как "голодная кобра" мечется по клеверной поляне стремясь объяснить тугодумным селянам хитрости исполнения штрафного удара и преимущества активной перепасовки в полузащите. Должно быть, со стороны это было весьма и весьма комичным зрелищем, однако ни один мускул на лице Вонга и других верных служителей не дрогнул при взгляде на это. "Голодная кобра" был скор на расправу и больше всего ценил повиновение.